

Фурманова Анна Никитична

Дмитрий Фурманов

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 37-053.2
ББК 74.27я7
А68

А68 **Анна Никитична Ф.**
Дмитрий Фурманов / Фурманова Анна Никитична – М.: Книга по Требованию, 2023. –
36 с.

ISBN 978-5-521-28800-7

ISBN 978-5-521-28800-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Толстой на смертном одре». Перед окном стол, по обе стороны — в два ряда с каждой стороны — книги, книги, книги.

Такова комната, где проходит жизнь молодого Фурманова. Здесь он впервые знакомится с произведениями Рылеева, которые оставляют в душе его большой след. Рылеева он считал одним из лучших, передовых людей его времени. Он сравнивает Рылеева и Толстого, впервые он ставит вопрос о счастье людей, но не может найти ответа.

«Кончаю, будет философствовать, я еще слишком юн, чтобы задавать такие крупные мировые вопросы. Эх, Кондратий! Далеко же ты меня угнал, о тебе я уже было и кончил, а хочется сказать, еще, что был ты великим революционером. Больше, Кондратий, я о тебе писать не могу, прощай, не поминай меня лихом».

От поэзии, которая все время привлекала Фурманова и до конца дней волновала его, он переходит к прозе. Записывает много и упорно и все ищет ответа на «проклятые вопросы».

Человек коллектива, он собирает кружок по изучению литературы. Друг и защитник всех обиженных, он пользуется в училище большой любовью. К нему идут, в него верят.

Однажды на уроке учитель обратил внимание на грязный и неопрятный вид одного из учеников. Он вызвал его и перед всем классом высмеял. Ученик был сыном прачки. Мальчик краснел и бледнел перед учителем. Не выдержал Фурманов, поднялся с парты во весь рост и резко сказал учителю:

— Стыдно вам упрекать его за то, что он плохо одет, — ему, быть может, есть нечего.

Учитель приказал Фурманову замолчать. Фурманов, не обращая внимания, продолжал говорить. Тогда учитель потребовал, чтобы он ушел из класса. Вспыхнув, Фурманов окинул взглядом класс, увидел много сочувственных глаз, медленным шагом вышел на середину класса и крикнул:

— Ребята, с таким идиотом нам оставаться незачем, кто со мною?..

Больше половины класса во главе с Фурмановым покинули класс. Дорого обошлась Фурманову эта первая забастовка. Его исключили из реального училища, но исключили на три месяца, так как он был первым учеником и показал начальству свои зубы только впервые.

«Эх, люблю я эти похождения, душа так и рвется вон,

так и просится размахнуться шире, нагуляться вволю! Как дружно, как пылко мы сработали это дело, уж не дадут погибнуть тебе одному, заступятся, коли им ты товарищ, а не собака, не предатель. Как славно они поддерживали меня, как сочувствовали они мне за геройское поведение. Все протягивали мне руки, все говорили: «Прощай, Митяй, прощай, прощай!». Я пожимал им крепко руки... Прощайте, друзья. Прощайте, спасибо, что поддерживали».

С тяжелым сердцем уходил в изгнание Фурманов. За эти три месяца, оторванный от учебы, он еще сильнее привязывается к коллективу. Кружок теперь собирается у него в комнатке. Писарев и Добролюбов стали предметом внимательного изучения в кружке. И изучение этих критиков перевернуло мировоззрение Митяя.

«Страшный перелом совершился в моей душе, все, во что я верил доселе, что непоколебимо чтил и уважал, все это теперь как-то иначе осветилось, помутнело, уступило место иному, еще не знакомому. Нет уж более неопределенного, безотчетного преклонения перед «тихими наслаждениями», перед миром и покоем «душевной радости», и вижу и знаю я, что резко и холодно расстался я с прошедшим. Но что будешь делать, в душу запало сомнение, душа трепещет, борется, не хочет верить в новое, да и не может не верить в него, не может не признать его правоту и осмысленность.

Писарев и Добролюбов перевернули вверх дном все мои мечты, все убеждения. Я знаю, что ничего еще нет во мне основательного, твердого, но зачатки чего-то уже есть. Вот как будто наткнулся я на острый-острый нож, режет он меня, сильно режет, но я терплю, а почему? Да потому, что мне как-то и страшно и приятно в то же время видеть, как этот страшный нож уничтожает все, чем я жил до сих пор. Но он не только сокрушает. Он ищет что-то новое, неведомое, жадно стремится вглубь, вот дойдет он до основной, главной темы прошлой жизни, ударит по ней с размаху, и не будет ее никогда. Явится новая жизнь, явятся новое сознание, новые стремления и мечты».

Вопрос вставал за вопросом. Далеко за полночь длились беседы. Расходясь на рассвете по домам, горячо спорили между собой юные друзья Фурманова, а сам он садился за дневник и писал до восхода солнца.

Фурманов жадно набрасывается на книги, ни одна из них не остается неизученной, на полях многих остались заметки, возражения, критика. Лев Толстой, Достоевский, Чернышевский...

«Читать надо, как можно больше читать, но читать не только для чтения — надо продумывать каждую мысль, каждое слово, чтобы оставался след, а не пятнышко, — тогда может быть разрешен вопрос, а главное — надо думать, думать самому, книга пусть будет только толчком, которая то туда, то сюда толкает твои мысли».

Впечатлительный и чуткий, с большой силой воли, он всегда оставался в тени, никогда себя не выставлял, никогда не рвался на первые роли, они шли к нему сами собою; требовательный к себе, он был требователен и к другим. Он привлекал к себе большой простотой, ясностью мысли и необычайной прямоотой. Не умел подлаживаться, не умел фальшивить с самим собой. Фурманов внимательно присматривался к людям, изучал их, наблюдал за ними, выручал из беды. Зарабатывая уроками гроши, он помогал товарищам, отдавал иногда все, что имел.

Фурманова еще сильнее и сильнее тянет к литературной работе. Снова он возвращается к поэзии. Но она уже не так волнует его.

«Умерла моя муза, недолго она озаряла счастливые юные дни», — так могу я сказать о себе, слегка переделав известный стих звучного Надсона. Действительно, как будто замерло мое страстное желание писать стихи, пропало рвение к звонким рифмам — надолго ли это?..»

Годы учебы в Кинешме оставили большой след в жизни Фурманова. Здесь вырабатывается его характер, здесь он вплотную подходит к литературе. Годы в торговой школе в Иваново, жизнь в семье не давали возможности развернуться силам Фурманова.

Записи дневника 1910—1912 годов раскрывают перед нами рост Фурманова. Его угнетает тяжелая обстановка реального училища, барская обеспеченность одних учеников наряду с нуждой других. Сам он питается плохо, зарабатывает уроками мало. Нехватает ему средств на покупку книг. Книги — это его пища. Часто, отказываясь от обеда, он отдает полученные за урок деньги за книги, а сам кое-как перебивается.

Жизнерадостность, бодрость не покидают его. Он упивается свободой и возможностью все делать так, как ему хочется.

«Как сон, мелькают передо мною детские годы, просто не верится, что из-под гнета попал я на свободу, что я когда-то не был таким вольным орлом, что когда-то осмеливались явно несправедливо удерживать мои желания и мысли. Это ужасно. Но все это было. Сорваны цепи, растаяла мгла. Теперь душа моя вольна на всю жизнь. Здесь все, все собралось к тому, чтобы шире раскрыть передо мною ворота жизни... Байрон мучился, не найдя ничего отрадного в земной жизни. Я не хочу таких мук, не буду же я насильно ненавидеть то, что мне нравится. Человек врёт — ему не верят, и он мучается — я никогда не вру и говорю часто с риском, прямолинейно».

Честный и прямой, простой и жизнерадостный, впечатлительный и чуткий — таким был Фурманов всю жизнь. В юности он мучился от ряда неразрешенных вопросов. Особенно тяжел для него был вопрос о религии.

Уже в 1910 году перед Фурмановым стал вопрос о боге — существует он или нет? Он ищет литературу по этому вопросу. Он мучительно прислушивается к словам попов, и на страницах его дневника появляются рассуждения о библии, Ветхом и Новом завете, о римской истории, о временах христианства.

В пасхальную ночь Фурманов идет в церковь — в последний раз, как он говорит, послушать пасхальную службу. Он надеется в последний раз пережить те чувства, которые волновали его в детстве, и уже не может: ему кажется, что вместо певчих тянет какой-то козел впристяжку с захудалым попиком.

«Я стоял каким-то козырем, руки назад, грудь колесом: не молился, не хотелось лгать... Нет, это все не так. Веры у меня нет. Не верю я в этого неведомого бога, а потому и не молюсь, давно не молюсь».

Фурманов стал атеистом.

Холодно разбирает он произведения Достоевского, проповеди старца Зосимы, трезво смотрит он на религиозные воззрения Алеши Карамазова. Острым ножом, о котором он писал, изучая Добролюбова, вскрывает он сущность этих воззрений, глубоко анализирует и опровергает их.

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ГОДЫ

Отзвенели последние юношеские песни, отпраздновали день выпуска, собрались последний раз на кружок друзья. У каждого вставала мысль: а что дальше? И ответ был готов: университет во что бы то ни стало.

Ходили обнявшись по лесу, приходили на обрыв реки Волги и клялись в вечной дружбе, вспоминали горячие споры в кружке, и каждый выбирал себе дорогу. Решали в столице устроить свое землячество и никогда не порывать связи. Естал и перед Фурмановым этот вопрос — куда идти?

«Скоро, очень скоро... Так скоро, что даже самому не верится. Но должен быть этот крупный шаг в моей жизни, решительный шаг. Столица... Университетская жизнь. И я жду — мучительно жду. Последний раз, дневник мой, пишу я тебя здесь. Придет новая пора, пришла она уже, придет новая жизнь, и новые песни услышишь ты, от новых, пока неизвестных птиц...»

Все лето готовится Фурманов к экзаменам — изучает латынь: без латыни нельзя поступить в университет. Но вот все кончено — прошение подано, и Фурманов нетерпеливо ждет ответа. Приходит ответ, что на историко-филологическом нет мест. Он решает идти на юридический.

Все равно куда идти, только в столицу, в Москву. Москва интересует его, как очаг новой силы и деятельной работы. Кипучая, суетливая жизнь влечет его к себе. Он чувствует ее постоянное бурление, шум. Он весь в предвкушении новых мыслей, которые откроются ему в стенах университета.

После посещения первых же лекций ему становится ясна его ошибка, и он пишет в своем дневнике:

«Куда идти мне? Влечет меня совсем другое, понял я, что не сюда попал, нет удовлетворения, не могу я изучать сухие своды законов, когда рифмы прут из нутра».

Фурманов бросает юридический факультет и переводится на историко-филологический. Чрезвычайно характерны первые записи его о Москве. Проходя по улицам Москвы, он встречается с едущими на автомобиле царем и царицей.

«Видел царя, народу уйма, шума столько же, а чувства в меру, конвоя шпалерами не было. Жалкая картина!.. Судь-

ба не рассчитала, отдавая ему в руки царственный жезл. И вот теперь проявляется его малоспособность в деле правления. Ненужный, ненужный он человек. А народ ревел, бушевал, и сам не знал почему... Ну, чорт с ним, с царем...»

Эти мысли Фурманов высказывал в 1912 году, только попав в столицу. Тогда уже просыпался в нем революционер, только еще робкими шагами идущий навстречу правде.

Годы студенчества — полудня жизнь, холодная комната, беганье по грошевым урокам.

Жил он в студенческом общежитии на Малой Бронной. Маленькая комнатуха, стол, стулья, чайник, в котором неделями не сменяется морковный чай, этажерка с книгами. Не имея подчас денег на обед, Фурманов попрежнему откладывал гроши на покупку книг. Начало библиотеке, которая осталась после его смерти, он положил еще в голодные студенческие годы. Столовался Фурманов в студенческой столовой: 15 копеек обед — одно первое блюдо (о втором и думать себе запрещал), утром фунт черного хлеба — на весь день.

«В студенческой наешься просто прелесть, тарелки две выхлебаешь, хлеба поешь за троих — ну, а второе уж и лишнее, впрочем, не лишнее, конечно, завистливо как-то смотреть на эти котлеты и творожнички, что едят вокруг тебя... Комната плохая, близкая к кухне, часто слышишь запах из кухни, да вдобавок ко всему по стенам разгуливают клопы. Плохо, что и говорить».

Но все это мало расстраивало Фурманова: молодость, жажда знаний брали свое. Закрыв уши, чтобы не слышать шума из соседних комнат, Фурманов погружался в чтение. Особенно внимательно и тщательно прорабатывал Фурманов в это время Достоевского. Книги Достоевского отчеркнуты, подчеркнуты, и на полях рукою Фурманова сделаны: либо возражение, либо критика, либо одобрение. Никогда Фурманов не читал просто для чтения, — читая, продумывал, записывал, изучал.

Фурманов задыхается в стенах университета, того университета, о котором столько мечтал, на который молился. Трезво смотрит он на товарищей, окружающих его. Участвуя в вечеринках, не чувствует единения.

«Чорт его знает почему, но достаточно мне пробыть в уни-

верситете час или два, как самые страшные мысли охватывают меня и просто приводят в ужас. Мне хочется крикнуть кому-то, проклясть кого-то невооруженно, злобно, жестоко. На душе тяга. Чувствую свое одиночество, нет друзей, не могу подойти к ним — серые, безликие они, погрязшие в житейских вопросах. А большие вопросы, вопросы, которые изгрызли мою душу, их не интересуют».

Тяжелые тучи сгущаются над университетом, всякое свободное слово подавляется жестоко — кнутом, нагайкой, тюрьмой. Фурманов, не вовлеченный в водоворот подпольного революционного движения, тяготеет к университету. Это уже не восторженный юноша. Он задыхается в тенетах лжи и беспорядка, но не находит человека, который мог бы направить его богатую натуру на правильный путь, и он кричит в своем дневнике:

«Нет, нет, скорее отсюда, вон отсюда, дальше, туда, где слышится свободное слово... Реже, реже, как можно реже заглядывать сюда! Прочь, проклятый разъединяющий дом, где расчетливый ум поглотил все живое, человеческое существо!»

Встречаясь с товарищами, он задает им вопрос: как они чувствуют себя в университете? Тот же ответ, и он не сдерживается:

«Значит, все... все так?.. Так что же это за храм науки? Я думал, что это моя больная душа заныла, раны мои заныли и обрушились всей тяжестью на бедный университет... Ошибся я!.. Всем тяжело!.. Тюрьма, а не храм!»

Так неудовлетворенный Фурманов развенчивает тот идеал, к которому стремился все молодые годы.

Посещая кружки, он присматривался к товарищам. Он искал среди них того, кто мог бы стать для него другом, прислушивался к горячим спорам, но ничто не может удовлетворить его. И он мечется в поисках верного пути. Записи его дневника того времени чрезвычайно тяжелы. Порой оставляют его силы. Он запирается на несколько дней в своей комнатке, никуда не выходит, читает, пишет, ходит из угла в угол.

Измученный бессонными ночами, он однажды ночью вышел из дому и пошел Тверским бульваром. Было далеко за полночь, а бульвар кишел студентами. К одной группе пристал и Фурманов. Он услышал брань по адресу полицейского.

Когда он подошел вплотную, он увидел девушку, бледную и заплаканную, которую поддерживал студент. Девушка бежала из дому, где издевались над ней, а полицейский, приняв ее за проститутку, грубо схватил ее и потащил в участок. Она закричала, студенты вступились, разгорелся спор.

Фурманов оттащил полицейского, обругал его. Свистки, гудки и... Фурманов очутился в участке.

Фурманову присудили или отсидеть три дня, или заплатить штраф в пять рублей. Денег у него не было.

«Пришли в участок, долго ждал. Дали мне полицейского для сопровождения в арестный дом. Надзиратель ткнул в меня пальцем и приказал вести. Я подошел к нему и сказал: «Чорт вас побери! А за что вы меня посадили? За то, что я вступился за девушку, несчастную, избитую, которую оскорбил ваш чин?». Надзиратель вскинул рыжие усы и спокойно сказал: «Не ругаться, а то в морду получишь, ничего, что блестящие пуговицы на тебе, все вы, студенты, шарлатаны, то и дело норовите в петлю попасть!». Я был взбешен, но сдержался, только зло плюнул».

Так произошло первое столкновение Фурманова с полицией. Три дня он отсидел в арестном доме. В дневнике своем Фурманов дает типы людей, сидевших с ним. Он их внимательно изучал, выяснял и под конец настолько свыкся с ними, что, когда наступило время выходить ему, он нежно простился с ними.

«Что-то теперь вы делаете, друзья! Так же мечтаете о дорогих цыгарках, так же бродите из угла в угол? День да ночь, сутки прочь! Гадко, гадко... А когда уходил оттуда— вышел и закурил, из-за решеток закивали знакомые головы. Что-то дрогнуло в груди, и слезы показались на глазах. Жалко стало чего-то».

Эти три дня заключения наложили большой отпечаток на Фурманова. Войдя в тюрьму одним, он вышел из нее уже другим. Тюрьма дала толчок новому пониманию действительности.

НА ВОЙНЕ

Европейская война, которую подготавливали в течение многих лет буржуазные правительства, разразилась. Борьба за

рынки, захват земель, обнищание народа, разорение отсталых наций, грабеж их достояния, гибель сотен тысяч и миллионов людей. Зная о том, что его могут мобилизовать в армию, Фурманов решает сам уехать на фронт, но не в качестве солдата, а в качестве журналиста, «брата милосердия».

Его тянет ближе к массам. 17 июля, в день мобилизации, он участвует в грандиозной манифестации.

«Скверное у меня осталось впечатление. Подъем духа у некоторых, быть может, и большой, чувство, может быть, и искреннее, но в большинстве что-то тут фальшивое, сделанное. Видно было, что многие идут из любви к шуму и толкотне. Нравится им эта бесконтрольная свобода. Хотя на миг я делаю, что хочу, — так и звучит в каждом слове. «Долой Австрию!» — крикнет какая-нибудь бесшабашная голова, и многоголосое «ура» покроет его призыв. А между тем это фальшиво, это лживо. А все эти требования — «шапки долой», «вывески долой» — ведь это не по чувству, не по убеждению, а по хулиганству. Я слышал, я видел, кто выступает. Гнусные, жирные рожи, которые все равно на фронт не пойдут. Подлю, гадко было в эту манифестацию».

В этих записях чувствуется большой перелом в мыслях Фурманова, он еще не осознает истинного смысла событий, но в нем просыпается его мятущаяся натура, его бунтарский дух.

Фурманов едет на фронт с летучкой. Перед Фурмановым встает вопрос за вопросом. Опять он мечется в поисках ответа, опять охватывает его жажда найти правильный путь. Иные мысли, иные слова, новые, неведомые доселе, появляются в записях Фурманова.

«Россию могут создать лишь великие перевороты, а для великих переворотов нужны и великие люди...»

Медленно, но верно нащупывает он почву правильного пути. Не было только человека, который помог бы ему разобраться в событиях, осветил бы их ему просто и ясно. Заметки того времени, которые посылал он в столичные газеты, говорят о страданиях в окопах, о боях и тяжелой жизни солдат. Одна из этих записей особенно характерна. Фурманов рассказывает о своем посещении братского кладбища. Он видел кресты с надписями, а рядом безвестную могилу венгерских солдат.

«Там написано: такой-то погиб за родину, царя и отечество, а почему на этой могиле написано только количество убитых неизвестных солдат-венгерцев? Они ведь тоже погибли «за родину, царя и отечество». Тех хоть близкие когда-нибудь отыщут. Разве у этих нет матерей, жен и детей, которые захотят взглянуть на дорогую могилку? Почему они зарыты, как собаки?.. Ненависть к врагу! Да разве они враги? Кто же, кто их сделал врагами?».

Фурманов все пристальней присматривается к фронтовой обстановке.

«Офицеры отсиживаются по штабам, их там больше, чем в окопах. Каждый бережет свою драгоценную шкуру, а какой-нибудь прапорщик из студентов да «серая скотинка» несет всю тяжесть бессмысленной бойни».

Все чаще и чаще в записях Фурманова появляются мысли о «бессмысленной бойне», о надвигающейся революции.

«Это агония, разве вы не видите? Слышите, как сильно бьется пульс жизни? Взгляните широко открытыми глазами, напрягитесь взволнованным сердцем, и вы почувствуете живо могучее дыхание приближающейся грозы! Новой мобилизацией хотят ослабить силы, чтобы некому было поднимать революцию, чтобы было кем ее задушить! Но не выйдет, много еще осталось и останется честного — они не пойдут за вами, они сохранили честь и тоску по свободе. Вы одни!.. И потому все сокрушат... Казаки откажутся бить нагайками, солдаты откажутся колоть родных братьев, вы одни!.. а дыхание все жарче, все ближе! Молодая сила уже громко заявила свое могучее «пора»...»

Пора и Фурманову, задыхающемуся в тенетах лжи, вырваться из этого омута. В конце 1916 года он возвращается в Иваново, рабочий город, родной и близкий, и сразу же попадает в водоворот надвигающихся событий. Вместе с товарищами он организует полулегальные рабочие курсы и вплотную примыкает к революционному движению.

ВСТРЕЧА С М. В. ФРУНЗЕ

Февральская революция застала Фурманова неподготовленным к сознательному участию в борьбе. Он сам отмечает в своем дневнике, что до этой исторической весны он не имел